

ЗАЩИТА ПАВЛОВОЙ:

субъективные заметки об одной исторической защите

Н. В. ГЛАДКИХ,
кандидат филологических наук,
Новосибирск

В № 2 «ЭКО» за прошлый год мне представился случай написать рецензию на монографию И. В. Павловой «Механизм власти и строительство сталинского социализма». Ирина Владимировна – давний автор нашего журнала¹, и было тем более интересно побывать на защите ее докторской диссертации с тем же названием 1 апреля 2002 г. в Институте истории СО РАН.

Визит к собратям из смежного гуманитарного лагеря оказался столь впечатляющим, что мне захотелось сохранить свидетельство очевидца. К сожалению, рамки журнального очерка не позволяют цитировать всех выступавших так подробно, как они этого достойны, поэтому всякому будет вольно упрекнуть меня в выдергивании и цитатничестве. Но не сомневаюсь, что об этом событии будут писать еще не раз, в том числе его участники, а полный протокол беспрецедентного 9-часового слушания станет доступен всем (по крайней мере, в Интернете). Думаю, и современники, и историки будущих поколений извлекут из него поучительную информацию о периоде с конца 1920-х до начала 2000-х годов, об эволюции умов, о нравах людей и социальных механизмах, об исторической науке и ее адептах.

Что же экстраординарного было в этой защите?

Об этом лучше всего сказал член диссертационного совета, доктор исторических наук В. С. Познанский: «Впервые за 40 лет работы в Институте сталкиваюсь с постанов-

¹ В «ЭКО» печатались ее статьи «Сталинизм: тайна власти» (1991. № 5), «Нэп: жизнь после смерти» (1991. № 12) и «Поездка Сталина в Сибирь. Почему Сибирь?» (1995. № 2).

кой на защиту диссертации, выходящей за рамки темы “Сибирь в контексте российской и мировой истории”». Наша коллега претендует на ученую степень доктора исторических наук в рамках кардинальной темы “СССР в контексте мировой истории”», т. е. даже более широкой, чем в общероссийском масштабе. Ряд выводов диссертанта – глобального масштаба, касаются пересмотра истории Второй мировой войны. Не ошибаемся ли мы, принимая на себя ответственность за рекомендацию ВАКу научного исследования, которое по сложности на порядок выше любого, прошедшего через Совет?»².

Итак, диссертант, позволивший себе столь решительно нарушить региональную академическую традицию, – Ирина Владимировна Павлова, выпускница гумфака НГУ, сотрудник Сектора истории социально-культурного развития Института истории СО РАН. Кандидатом исторических наук стала в 25 лет, защитив диссертацию «Большевики Сибири в борьбе за создание и укрепление Красной гвардии (февраль 1917 – май 1918 гг.)» (1978); после перестройки о Красной гвардии не писала. За 15 лет работы по теме докторской диссертации ею выпущены две монографии – «Сталинизм: становление механизма власти» (1993) и «Механизм власти и строительство сталинского социализма» (2001). Первая из них охватывает преимущественно 1920-е годы, вторая – 1930-е. Помимо этого – 42 публикации, семь из которых – в ведущих российских исторических журналах «Вопросы истории» и «Отечественная история». Две статьи и глава из книги переведены на английский язык.

На автореферат поступило 12 отзывов, из них четыре – из-за рубежа. Их прислали Роберт Такер (Принстон), один из крупнейших исследователей сталинизма в мире, автор переведенных на русский язык книг «Сталин. Путь к власти» (М., 1991) и «Сталин у власти: История и личность» (М., 1997), Нильс Эрик Розенфельд (Копенгаген), един-

² Все цитаты даются по копии Стенограммы заседания Диссертационного совета Д.003.030.01 в Институте истории СО РАН (Протокол № 7 от 1 апреля 2001 г.), предоставленной в ВАК.

ственный ученый в мире, занимающийся непосредственно изучением тайной инфраструктуры власти в СССР, Виктор Заславский (Рим), Ричард Раак (Калифорнийский университет), а также авторитетные российские историки В. М. Панеях и другие. Излишне говорить, что такие имена никогда раньше не звучали в стенах сибирского диссертационного совета.

С докладами автора приглашали на международные конференции и семинары в Венгрии, Дании, Италии и США. Другими словами, не только формулировка темы, но и резонанс работы Павловой выходил далеко за пределы новосибирского Академгородка.

Диссертация

Прежде чем поделиться впечатлениями о том, как происходила процедура защиты, попытаюсь совсем коротко описать узловые моменты самой диссертации.

Количество работ о Сталине и сталинизме огромно и продолжает расти не по дням, а по часам. Что нового об этом сказала И. В. Павлова?

Предмет ее исследования — *механизм власти* в Советском Союзе при Сталине.

Многие ученые, занимавшиеся русской историей, как дореволюционные (С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин), так и современные (Н. Я. Эйдельман, Р. Пайпс, Р. Такер, А. С. Ахиезер, Ю. С. Пивоваров и А. И. Фурсов и др.), отмечали, что в отличие от европейской истории, где формы политической жизни всегда определялись экономическими и социальными процессами («базис» первичен, «надстройка» вторична), в России со времен становления Московской Руси было все наоборот: доминантой всякого развития (а равно и торможения) являлась политическая власть. Все экономические и общественные реформы начинались «сверху»; при этом неизбежно наступал момент, когда властвующая структура в интересах реформ должна была уйти, уступить управление другим структурам. Этого не происходило, и начинался период контрреформ. Те же самые процессы проявились и в советский период.

В чем своеобразие механизма осуществления власти при Сталине? В ее нелегальном и конспиративном характере, — отвечает И. В. Павлова. Все принципиальные решения по любым вопросам жизни страны принимали не Советы, как было записано в Конституции, не Коммунистическая партия, даже не ее высшие органы, а узкая группа лиц во главе со Сталиным. Многомиллионная партия, Советы и «самая демократическая» Конституция являлись чистым камуфляжем. Решения спускались сверху вниз, принимались нижестоящим органом от своего имени и передавались далее по цепочке, при этом документы вышестоящего органа, предписывавшие нижестоящему принять именно такое решение, носили строго секретный характер и многие из них уничтожались. Самые важные решения, часто судьбоносные для страны, вообще не фиксировались письменно. Другими словами, реальная власть осуществлялась секретно, а все ее внешние, открытые формы — продукт целенаправленной фальсификации.

Этот механизм — не умоэзрительная конструкция. Он выявлен и документально показан на основе тех опубликованных и архивных источников, которые доступны на сегодняшний день историку³.

Именно и только такой механизм власти позволил И. В. Сталину и небольшой группе «посвященных» лиц обмануть и собственное общество и весь мир относительно стратегических планов Советского Союза, связанных с конспиративной подготовкой «освободительной» войны в Европе. Гипотеза, которую на кончике пера сформулировал В. Суворов в книгах «Ледокол» (1992) и «День-М» (1994), в работе И. В. Павловой получает подтверждение уже на об-

³ В диссертации проанализирована секретная переписка высших партийных органов (Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК) с местными и государственными органами в Сибири (Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома, Сибкрайкома ВКП(б) и Сибкрайисполкома Советов, Запсибкрайкома и Запсибкрайисполкома, Новосибирского обкома ВКП(б) и облисполкома), осуществлявшаяся через секретно-директивные части, с 1926 г. — через секретные отделы, с 1934 г. — через особые секторы партийных органов, секретные части исполкомов Советов и других ведомств.

ширном массиве исторических фактов. «В начале 30-х гг. произошла окончательная переориентация Сталина на милитаризацию страны»⁴. Скрытой цели милитаризации были подчинены все основные процессы, происходившие в стране: экономические (так называемая «индустриализация»), социальные (создание системы государственного крепостничества в форме ГУЛАГа, колхозов и т. д.) и политические («показательные процессы», «чистки» военного руководства и т. д.). Созданное Сталиным к концу 30-х годов государство-лагерь стало высшей точкой развития российского великодержавия.

В чем главная сложность, прямо вытекающая из конспиративного характера власти? В том, что по ключевым решениям в жизни страны документы либо отсутствуют вообще, либо недоступны исследователям. Сами эти решения могут быть только *реконструированы* на основе последующих событий и на основе документов, как правило, *написанных фальсифицированным языком*.

Это ставит перед историком, во-первых, философскую проблему герменевтики – понимание конкретного сообщения невозможно вне понимания смысла коммуникативной ситуации как целого; во-вторых, филологическую проблему интерпретации текстов с не прямым смыслом. Здесь И. В. Павлова обращается к опыту таких авторитетных философов и филологов, как Г.-Г. Гадамер, М. К. Мамардашвили, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман.

Забегая вперед, скажу, что самым непрошибаемым для аудитории, в которой происходила защита, оказалась даже не политическая сторона работы Павловой, а методологическая. Определив свой метод исследования как *трансцендентальный*, она повергла коллег в полный ступор. Ни один оппонент, несмотря на старательные попытки, даже не смог выговорить этого слова, и по мере того, как это повторялось раз за разом, смех в зале приобретал все более неудержимый и неприличный характер.

⁴ Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 2002. С. 46.

В основе трансцендентального метода лежит процедура трансцендирования, то есть поиска исследователем устойчивой *позиции вненаходимости* по отношению к изучаемому объекту. В рамках понятийной системы, для которой понятие власти является краеугольным, то есть в скрытой или явной форме присутствует в любом другом понятии, описать власть и ее механизмы реализации невозможно. Для этого необходимо посмотреть из *мета*-понятийной системы. Всякий человек, вылепленный своим временем и окружением, своей средой и языком и при этом пытающийся понять, что такое он сам и что представляет собой окружающий его исторический контекст, должен осуществить в своем сознании некий скачок за пределы этого контекста. Лучшим путем к построению такой *мета*-понятийной системы является сравнение с другими понятийными системами, другими языками, другими культурами. Систему нельзя описать изнутри ее самой, поскольку она не видна как целое, но и нельзя описать, находясь полностью вовне, потому что тогда не видны ее собственные внутренние смыслы. Трансцендентальный подход можно определить как сочетание целостного видения объекта со знанием и пониманием его внутреннего смыслового устройства.

Определяя свою позицию вненаходимости, исследователь выясняет, что есть он сам как познающий субъект, отдавая себе отчет, что его неотчуждаемые личностные качества тоже входят в создаваемую им модель. «Рациональное осознание событий 1930–х гг. — это один полюс проблемы. Другой — это оценка событий того времени с позиции нравственности. <...> Сосуществуя как единство и борьба противоположностей, в целом они представляют тот самый научный подход, который только и возможен сегодня для понимания подлинного смысла коренной ломки, предпринятой властью и надолго оставившей свой след в российской истории»⁵.

⁵ Павлова И. В. Автореферат. С. 16–17.

Защита И. В. Сталина от И. В. Павловой

Публики в конференц-зале было определенно больше, чем бывает на «дежурных» защитах диссертаций, но и не скажу, что очень много. Поначалу особого общественного интереса к событию не ощущалось. Задние ряды занимали студенты, аспиранты и молодые сотрудники института.

Вел заседание академик Н. Н. Покровский, который терпеливо и доброжелательно предоставил возможность высказаться всем, кто просил слова по долгу службы или по внутренней потребности. Однако желающих оказалось много, и в конечном счете все мероприятие растянулось на девять часов – с 10.30 утра до восьми вечера.

Что скучно не будет, стало понятно на вопросах к диссертанту после ознакомительного доклада. Когда начались вопросы из зала, я понял, что кроме меня в аудитории присутствует весьма обширное количество историков-непрофессионалов. Выступающие стали представляться как «пенсионер», «преподаватель школы», «кандидат педагогических наук», «кандидат технических наук», «доктор технических наук», «доктор физико-математических наук», «доктор геолого-минералогических наук», «доктор философских наук». Все перечисленные ученые были настроены весьма агрессивно и торопились перейти от вопросов к полемике.

Когда на вопрос кандидата технических наук С***: «Дайте определение социализма, что это такое? Сталинский социализм – это отдельная формация, что ли?» диссертант начала терпеливо отвечать: «Мною в книге и диссертации показано отличие понимания Сталиным от понимания социализма Лениным и тем более Марксом», кандидат технических наук категорически возразил: «Во-первых. Сталин построил ленинский социализм. Ленин в своей работе...»

Пенсионер К*** потребовал разъяснить: «Почему в диссертации не нашли своего отражения те достижения, которые были при сталинском социализме – достижения в науке, в технике, культуре, искусстве – во всех областях жизни нашего народа? <...> Скажите, почему Вы не оттал-

кивались от тех положительных результатов, которые были достигнуты при руководстве тов. Сталиным?»

Доктор философских наук М***: «Вы обвиняете Сталина в начале Второй мировой войны. Я служил в армии в начале войны, и наш авиафронт — я в авиации служил — был в Мелитополе. На моих глазах эшелон за эшелонами шли не на запад, а на восток — в Тбилиси. Почему Сталин — виновник войны — войска с западной границы отправлял на Кавказ?»

И. В. Павлова: «Я очень хорошо понимаю чувства тех, кто воевал, и особенно тех, кто потерял своих близких в Великой Отечественной войне, войне с фашизмом. Поэтому я понимаю, как тяжела эта правда для Вас и не только для Вас...»

(Недовольство среди ветеранов в зале).

Доктор философских наук М*** (перебивает): «Вы отвечайте мне на вопрос, а не мораль читайте!»

Отвечая на один из вопросов, И. В. Павлова произнесла: «Я стараюсь рассматривать события 30-х гг. с позиции Человека, человека, стремящегося к свободе».

На это прозвучала замечательная реплика школьного преподавателя К***: «Как мне кажется, рассматривать руководителя крупного государства не с позиции Государства, а с позиции свободного человека есть грубая методологическая ошибка».

Тему подхватил доктор философских наук Т***: «Почему Вы так отрицаете идею великодержавности? Она, по моему, и с гуманистических позиций гораздо светлее видится, по сравнению, скажем, с великобританским шовинизмом, колониализмом...».

И. В. Павлова: «...повторяю: я не хочу и не могу рассматривать российскую историю с позиции Государства и идеи великодержавия: я помню о людях, которые жили тогда».

Совершенно очевидно, что у этой защиты были «организаторы», которые не поленились пройти по институтам, раздать автореферат и провести подготовительную работу. Понятно, что никто за пределами Института истории СО РАН никогда бы не узнал, кто там защищается и по какой теме.

Легко восстановить и то, что было сказано людям: некая особа попытается защитить под видом науки клеветнические измышления предателя Родины В. Резуна-Суворова о том, что это не Гитлер предательски напал на Советский Союз, а сам И. В. Сталин разжигал войну и собирался напасть на Европу. Нужно прийти и поставить даму-лжеисторика на место.

Так или иначе выступавшие клеймили «предателя Родины Резуна», «Суворина» и даже «Резуна-Соколова», не предполагая между взглядами Суворова и Павловой никакой разницы⁶. Всего выступило 9 не-историков. Активно задавая вопросы, непосредственно комментируя обсуждение и, наконец, поделившись воспоминаниями о войне и развернутыми соображениями о том, какое реальное место в истории занимают И. В. Сталин и И. В. Павлова, они заняли по крайней мере треть всего времени защиты. Защита Павловой превратилась в защиту Сталина от Павловой.

Доктор физико-математических наук Б***: «...я знал о репрессиях <...> Но таких людей было мало. <...> репрессировано было с невозвращением из лагерей, с расстрелом и т. д. на уровне от миллиона до двух — это моя личная оценка, просто я знаю хорошо статистические законы, поэтому вы поверьте мне на слово, что это просто оценка по тому, что я видел и знал, и дело в том, что я знал несколько тысяч людей очень хорошо⁷. <...> я сам — физик, экспериментатор, член 3-х ученых советов по защите докторских диссертаций, считаю, что я, в общем-то поднаторел в вопросах о разбирательствах, о научном уровне. <...> Поэтому я не представляю себе, как можно хорошо охарактеризовать работу, представленную на соискание докторской степени. Она просто по здравому смыслу не проходит».

⁶ Оценка самой И. В. Павловой книг В. Суворова — не восторженно-апологетическая: «я и сейчас признаю неоспоримые заслуги Суворова в историографии этой темы. Правда, я считаю, что для него было бы лучше остаться автором только одной книги “Ледокол”, а не развивать и тиражировать свою концепцию в разных книгах и изданиях. Безусловно, в его книге имеется немало ошибок. Но в целом его концепция представляется мне правильной. Его же так никто и не опроверг».

⁷ Кто, как не человек, хорошо знающий статистические законы, может сказать, что «от миллиона до двух» репрессированных — «мало»?

Доктор технических наук К***: «...целый ряд вещей сформулированы так: Россия, или, точнее, Советский Союз Сталиным готовился к войне. Мне как участнику Отечественной войны вот эти фразы сразу резанули ухо. Так кого мы учим, как молодежь будет приходить дальше в науку и как она будет дальше учить подрастающее поколение! Это выходит, что, просмотрев какие-то документы (sic! — Н. Г.), Ирина Владимировна тут же выносит на обсуждение: Сталин готовил Вторую мировую войну...»

Доктор геолого-минералогических наук Д***: «...хотел бы выступить по двум вопросам. Первый: сталинские планы по расширению “фронта социализма”. У Сталина таких планов, дорогие коллеги, члены совета и гости, не было».

Доктор философских наук Т***: «Да, были репрессии. Несправедливые были. И я, откровенно говоря, очень остро воспринимал и осуждал — был ярым антисталинистом долгое время. До тех пор, пока не произошло с Россией то, что сейчас произошло. <...> Что же касается тайного, так сказать, механизма, здесь тоже ничего нету. Простите, египетские жрецы еще применяли этот механизм. Да любое государство применяло всегда — есть некоторый тайный механизм и в узком кругу, действительно, всегда решается. А сегодня, вы что думаете, в Америке, понимаете, все на Сенате решают? Ничего подобного! Решает очень узкий круг богатейших людей, которые в тени совершенно находятся, в отличие от Сталина. <...> поэтому говорить о том, что есть какая-то диссертация, сегодня просто не имеет смысла, на мой взгляд».

Окончательно точки над «і» расставил кандидат педагогических наук Б***, зачитавший «Отзыв Новосибирского областного и городского совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов, областного Комитета ветеранов войны и военной службы, президиума Совета ветеранов Советского района г. Новосибирска»: «Ознакомившись с содержанием данной диссертации и автореферата соискателя на ученую степень доктора исторических наук И. В. Павловой, мы имеем основание заявить, что это специальный заказ, в диссертации пересмат-

ривается и извращается вся история Великой Отечественной войны и роль И. В. Сталина в этой войне».

Вот так, ни больше, ни меньше: «имеем основание заявить, что это специальный заказ». Чей? Из текста надо понимать, что американский: «США удалось найти таких единомышленников, как Горбачев, А. Н. Яковлев, Резун, Шеварднадзе и др., которые прокляты народом всего бывшего СССР». Коварный сочинитель книжек Резун удостоился попасть в список между большими государственными чинами. Сами авторы «Отзыва» не представили никаких документов, подтверждающих факт «специального заказа». Надо полагать, они его *вычислили*. Не является ли эта аналитическая операция аналогом той, которую проделал автор книги «Ледокол», тоже не имевший прямых подтверждений своей версии?

В «Отзыве» Сталин прямо назван, со ссылкой на патриархов Сергия и Алексия, «богоданным вождем». Ветераны⁸ призвали «помнить, что гнев богов медлителен, но страшен» и подтвердили верность духу вождя: «Пятно национального унижения не смыть, не вычистив сразу предательства и фальшивых ценностей, не разоблачив их носителей в каждом городе и в каждом поселке».

«Сталин любил Россию, искренне любил Сибирь, любил народ. Не в пример Горбачеву, Яковлеву, Ельцину, Шеварднадзе, которые за доллары предали Россию и обманули свой народ. Благодаря Сталину, его политическому мужеству, позволившему нашей стране дважды подняться из пепла, благодаря победам, одержанным под его руководством, человечество узнало правду о подлинном равенстве людей, праве на свободный труд, на просвещение. Пример Сталина — это пример исторического торжества ленинской политики, алгоритм превращения реакционной России из империи в прогрессивную сверхдержаву, несущую свободу и справедливость

⁸ Член совета, доктор исторических наук В. И. Соскин резонно поинтересовался: «может ли Совет ветеранов принимать подобного рода решения, кто их составлял. Я, между прочим, ветеран войны <...> но я не участвовал в этом обсуждении. И я уверяю вас, тысячи ветеранов не участвовали в этом обсуждении».

угнетенным, страну-победительницу и освободительницу человечества от темных сил, злобно его гнетущих».

Предоставляю читателям самим вообразить себе, какой эффект в Диссертационном совете Института истории СО РАН произвели слова: «Мы напоминаем команду, которую подавали на фронте: “За Родину! За Сталина! По фашистским извергам – огонь!”»

Я позволил себе заменить фамилии ученых-не-историков, выступивших на защите И. В. Павловой, звездочками. В этом месте я не разделяю пафос поэта, написавшего: «Мы поименно вспомним всех, / Кто поднял руку». Никто из этих людей, говоривших вполне искренне и убежденно, не понял, что их «подставили», более того – цинично выставили на публичное посмеище.

Смех прорывался наружу не часто, но даже в стенограмме несколько раз зафиксирован. Есть такое слэнговое слово – «стеб», которое искусствоведы и филологи иногда используют в качестве термина⁹. Оно обозначает «внутреннюю» насмешку или издевку, в то время как внешне человек изображает демонстративную серьезность. Внешними признаками «стеба» как раз и являются гримасы и жесты, выражающие преувеличенное, «благоговейное» внимание и почтение к собеседнику. Было вполне очевидно, что историческая аудитория абсолютно не воспринимает «ученых гостей» всерьез. Многие откровенно «стебались». И это было неприятно.

Но по некоей иронии, те, кто организовал присутствие и выступления этих людей в зале, обеспечили наглядное воплощение небольшого, но обязательного раздела в любой диссертации – «Актуальность темы».

«Если выступает на сцену история...»: Что сказали коллеги?

1 апреля 2002 г. суд истории резко клонился то в одну, то в другую сторону.

⁹ Напр., Матизен В. Э. Стеб как феномен культуры // Искусство кино. 1993. № 3. С. 59–62.

В поддержку диссертанта и ее исследования выступали многие: авторы 10 письменных отзывов на автореферат, рецензент ведущей организации – Российской академии государственной службы при Президенте РФ, двое из трех официальных оппонентов – доктора исторических наук Н. Л. Рогалина и И. С. Кузнецов, члены Диссертационного совета и сотрудники института. Я практически не буду их цитировать, хотя сознаю, что это несправедливо. Ограничусь тем, что приведу фрагмент отзыва Нильса Эрика Розенфельда (Университет Копенгагена, Дания), в котором четко сформулирована *объективная сторона* работы:

«Особенно важным в контексте международного исследования является выявление ею развития политической и административной системы в течение 1920-х и 1930-х гг. и ее исследование

1) структуры Секретного отдела (Бюро Секретариата) Центрального Комитета Коммунистической партии в 1920-е гг.;

2) сети секретных отделов (и мобилизационных отделов) на нижних уровнях партийной и государственной бюрократии;

3) всеохватывающего влияния секретности/конспиративности и информационного контроля над советским обществом в течение сталинского периода;

4) специальных правил хранения и передачи секретных документов внутри различных административных структур.

В этих отношениях Ирина Владимировна Павлова создала новую основу и сделала пионерскую работу огромной важности для других исследователей в этой области, независимо от того, как эти исследователи интерпретируют политические цели Сталина и феномен сталинизма в целом».

В уже упомянутом мной «Отзыве ветеранов» было сказано, между прочим, следующее: «Диссертация в основном написана на материалах и публикациях заказных историков типа Розенфельда и агентов-предателей Советского государства, которых развелось великое множество в настоящее время».

Тем любопытнее, что «заказной историк» в своем отзыве указал на значимость фактологическо-аналитической части работы для исследователей, *независимо от их политической тенденции*.

Как и за что Павлову критиковали коллеги из своего Института?

Из вопросов, заданных ими, приведу один, но ключевой.

Доктор исторических наук В. А. Исупов: «...почему Вы сводите механизм власти к методам выработки решений? Я всегда думал, что механизм власти – это иерархия партийных комитетов, государственных органов, профсоюзов и т. п.»

Вот вопрос, который лучше, чем любой другой, характеризует взгляд наблюдателя, находящегося *внутри* системы. Для него *механизм власти есть иерархия*. Более подробно такой взгляд развернут у социолога А. А. Зиновьева: «Власть есть прежде всего совокупность всякого рода начальников в стране. А сколько их! <...> начальники здесь не образуют некое единое целое объединение, а распределены по стране в массе подначального населения»¹⁰. Каждый человек кому-то подчиняется и хоть кем-нибудь командует. Вся страна, организованная как иерархия, представляется почти однородным многоступенчатым механизмом власти. Чтобы увидеть, кто осуществляет управление, а что является лишь передаточной частью механизма, и нужен был исследователь, занимающий позицию внаеходимости. «Наконец, власть есть всякая возможность одних людей осуществлять насилие в отношении других людей»¹¹. Действительно, на всех ступеньках системы, где осуществляется не самоуправление и саморегуляция, а передача решений сверху, власть и может воплощаться только как насилие.

Когда объявили выступление второго официального оппонента, двое сотрудников, сидевших у меня за спиной, перестали оживленно шептаться, что делали постоянно, и один сказал: «Сейчас послушаем отрицательную рецензию». Стоявший в зале гул полностью прекратился, и доктор истори-

¹⁰ Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 154.

¹¹ Там же. С. 156.

ческих наук Г. Л. Олех (Новосибирская государственная академия водного транспорта) прочитал свой отзыв очень тихим голосом, не отрывая глаз от бумаги, при идеальном молчании аудитории. Как выяснилось из последующих прений, это было второе отрицательное оппонирование за всю историю защит в Институте.

С Олеха и началось массовое невыговаривание слова «трансцендентальный». Приняв его за синоним слова «интуитивный» (а возможно, предположив, что приверженцы данного метода создают свои теории, впадая в *транс*), он закономерно противопоставил ему «эмпирический» подход, как более достойный.

Являясь специалистом по периоду с 1917 до середины 1920-х гг., оппонент и касался в основном этого периода (хотя, по Павловой, механизм сталинской власти в целом сложился в 30-е годы). Отрицая какое-либо своеобразие конспиративного характера власти при Сталине, Г. Л. Олех сослался на то, что о конспиративности любой формализованной власти писал еще К. Маркс.

И. В. Павлова: «Он писал о стремлении к конспиративности в принятии решений и их исполнении. Это есть конспиративность, секретность делопроизводства, но не ВЛАСТИ». Конспиративность власти состояла в том, что декларируемые в законах и Конституции Советы и другие государственные органы реально никакой властью не обладали, а выполняли сугубо камуфляжную роль. Властные решения осуществлялись через сеть секретных отделов, и эта секретная сеть, документально описанная в диссертации, к представлениям Маркса никакого отношения не имела.

Когда оппонент произнес, что в тексте И. В. Павловой встречаются выражения, недопустимые в научной литературе, я, как филолог, затаил дыхание. Какой же пример привел Г. Л. Олех? «*Козел отпущения*»!

Это было просто немыслимо! Доктор исторических наук, очевидно, не знал или запамятовал, что это выражение из Библии (Левит 16: 21–22), обозначающее символическую жертву. Или вполне стилистически нейтральное название животного им всегда воспринимается в оценочном смысле?

Не обнаружив в работе диссертанта ни подлинно научной методологии, ни эмпирической основы, ни оригинальности («многие выдвигаемые в работе положения заведомо очевидны, тривиальны и лишены научной новизны»), и неуклюже опустившись до поисков стилистических «огрехов», Г. Л. Олех сделал вывод о недопустимости присуждения диссертанту искомой ученой степени доктора исторических наук.

В порядке свободной дискуссии против присуждения степени выступили еще три члена совета (высказывавшихся по принципу «с одной стороны... с другой стороны» я тоже позволю себе пропустить).

Речь доктора исторических наук В. А. Демидова по риторическому напору была самой вдохновенной и ошеломляющей: «Диссертация И. В. Павловой предмета для полемики не имеет. Она выполнена ниже всякой критики». «Ирина Владимировна ставит пять исследовательских задач. Две из них ничтожны и целью быть не могут. Какая нужда “выявлять” сталинские представления о социализме, если достаточно взять любой учебник по истории КПСС: там все прописано».

В статье И. В. Павловой, посвященной западной историографии сталинизма, содержится оценка историков, находящихся «на сталинских смысловых нарах». Это выражение вдохновило В. А. Демидова на пассаж, переплюнувший даже «Отзыв ветеранов»: «Но, отвлекаясь от текста, уважаемые друзья, с моей точки зрения, Ирина Владимировна как социальный тип очень опасна. Почему? Вы послушайте, почему. Сегодня она “укладывает” инакомыслящих на сталинские смысловые нары, а завтра, если эта ситуация изменится, то тех же инакомыслящих она будет укладывать на деревянные нары вокруг знаменитой параша. Да не ойкайте, а именно так, потому что это логика истории, и вам она хорошо известна. Я не хочу сказать, что завтра это наступит, или оно неизбежно наступит, но такого рода типы в историческом плане весьма опасны».

По существу дискуссии В. А. Демидов еще раз выразил мысль, что «Ирина Владимировна не знает, что представляет собой “механизм власти”. <...> Партия не исчерпывала

собой весь механизм власти». По его аналогии, в часовом механизме есть электропитание («движущая сила»), потом колесики и винтики, приводящие в движение стрелки. Так вот, нельзя отождествлять только электропитание со всем механизмом.

И что бы почтенному историку не оставить аналогии с часами кандидатам и докторам технических наук, с таким же успехом выступавшим на историческом поприще? Если уж сравнивать предмет спора с часами, то власть – это и не питание, и даже не весь механизм целиком. Это – кто заводит часы и выставляет на них время? Но чтобы увидеть это, опять же нужна позиция внаходимости. Тот, кто всю жизнь проработал «винтиком» в механизме, этого никогда увидеть не сможет.

«В заключение, – сказал В. А. Демидов, – остановлюсь на вопросе, который иллюстрирует потрясающую неосведомленность соискателя ученой степени доктора исторических наук». Речь идет о том, что И. В. Павлова дважды процитировала «ленинский лозунг “Грабь награбленное!”».

«Учитывая, что Ирина Владимировна принадлежит к числу тех авторов, которых теорией не прошибешь, – их надо ловить за руку, как фальсификаторов», доктор исторических наук привел первоисточники: 5 цитат из ПСС Ленина, где этого выражения в прямой форме нет.

Я не читал всего Ленина, хотя ПСС у меня имеется. Но еще есть чудесный «Словарь современных цитат» К. В. Душенко. Открываю раздел «Ленин, Владимир Ильич»: «Мы грабим грабителей» – слова донского казака Шамова на III съезде Советов (16 янв. 1918). Неделью спустя, обращаясь к агитаторам, посылаемым на фронт, Ленин процитировал эти слова в форме: «Мы грабим награбленное» (речь 23 янв. 1918). Три месяца спустя Ленин подтвердил: в лозунге «грабь награбленное» «я не могу найти что-нибудь неправильное, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то – почему нельзя обойтись без латинских слов?» (речь на заседании ВЦИК 29 апр. 1918)»¹².

¹² Душенко К. В. Словарь современных цитат. М., 1997. С. 201–202.

Когда доктор исторических наук В. С. Познанский произнес фразу «Впервые за 40 лет в Институте...», процитированную мной в самом начале, я был уверен, что это сказано «в плюс» диссертанту. Однако быстро стало понятно, что это зачин к тому, чтобы решительно отмежеваться: «Причина неудачи И. В. Павловой — она взялась за разработку непосильной темы. Не только по сложности, но и по объему. Выполнить подобную работу впору за несколько лет большой группе квалифицированных специалистов разного профиля».

Решив не выговаривать опасное слово, В. С. Познанский уверенно заменил его: «Отрицание автором эмпирического подхода...», как будто И. В. Павлова когда-нибудь критиковала эмпирический подход.

В очередной раз диссертант была названа «адептом Резуна (Суворова)», чья сокровенная цель — «отнять у народов бывшего СССР праздник Победы над фашизмом».

«Впервые за четверть века, которые состою в Диссертационном совете, буду голосовать против присуждения исковой степени соискателю, ибо считаю диссертацию И. В. Павловой не просто ненаучной, халтурной, но вредной».

В.С. Познанский постарался дезавуировать документальную основу исследования: «Для избранной темы смехотворно мал объем привлеченных архивных источников». Поднявшийся следом на трибуну доктор исторических наук С. А. Красильников, руководитель сектора, в котором работает диссертант, на это решительно возразил: «Ирине Владимировне нельзя ни в коем случае бросать упрек в том, что она мало проработала в архивах. <...> Я вам скажу, что такое два архива: это бывший ЦПА ИМЛ¹³ и наш региональный архив, один из крупнейших архивов, здесь сосредоточены действительно источники такого класса, которые позволяют только на этом пространстве ставить и решать очень многие научные проблемы. <...> Ирина Владимировна, один из немногих, я подчеркиваю, добросовестных исследователей, которые выполняют ту или иную работу на

¹³ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма.

эмпирическом материале так, что можно пойти за ними, проверить и посмотреть, насколько профессионально была сделана та или иная работа».

Вообще, выступление С. А. Красильникова мне показалось самым достойным и приличным моментом всего обсуждения. «Я могу сказать, как исследователь, занимающийся периодом 20–30-х гг., что в ряде позиций выражал несогласие с оценками, в отдельных случаях и с подходами Ирины Владимировны Павловой, но опять-таки я оставлял и оставляю за ней право защищать эту позицию и доказывать, что права она и не правы мы. Возможно даже, не право большинство. Что поделаешь, таков путь развития борьбы идей в науке».

Последним из профессиональных историков взял слово доктор исторических наук В. И. Шишкин. Он произвел самое парадоксальное и шоковое впечатление, оставшееся от всего этого длинного дня. Если Г. Л. Олех прочитал свой текст тихим, монотонным голосом, ни разу не подняв глаз на аудиторию; если В. А. Демидов велеречиво и убежденно уверял публику, что Павлова будет укладывать инакомыслящих вокруг параша; если В. С. Познанский искренне недоумевал, как такая вопиющая аномалия смогла дойти до Диссертационного совета, то В. И. Шишкин сыграл целую гамму настроений. Так на трибуну выходит баловень публики, любимец студентов и студенток, откидывает голову, отводит руку и непринужденно, как бы экспромтом, начинает очередную блестящую лекцию. Но при этом демонстрирует весь набор, который называют «паралингвистикой лжи»: рассогласованную асимметричную жестикуляцию, произвольное прикрывание рта рукой, отворачивание головы и говорение в сторону от слушающих.

Он начал почти с интимных воспоминаний: «мы на протяжении нескольких лет работали в одном секторе, поэтому вольно и невольно – я, тем более, руководил этим сектором – я наблюдал за тем, чем и как занимается Ирина Владимировна. Я должен сказать по опыту личного общения, что Ирина Владимировна – человек интересный, мно-

го работающий, с увлечением работающий, я бы даже сказал, темпераментно работающий». «Ирина Владимировна получила прекрасную подготовку».

«Я по-разному отношусь к произведениям Ирины Владимировны. Превосходная работа по Красной гвардии, «в рамках марксистской парадигмы», практически все источники по теме были исчерпаны. Работы 1990–2000-х – неровные. «Мне очень нравится, например, такая миниатюрная работа, как “Иркутское дело”» – и некоторые другие, «я с удовольствием их читал»; «когда она создает небольшие миниатюры, у нее получаются хорошие произведения». Но в последнее время, «она, как мне кажется, утратила вкус, интерес к поиску новых источников». Вздох огорчения.

Ладно, поговорим о диссертации. «Я хочу напомнить, что это квалификационное сочинение», а значит, пишется по стандарту, заданному ВАКом. И как же, соблюдены ли стандарты? Судя по грустной улыбке, нет. «Начать – неудобно как-то об этом говорить, тем не менее придется – с названия работы». Увы, оно сформулировано «недостаточно грамотно». «Строительство сталинского социализма» – совершенно необъятная тема, «не очень понятно, о каком строительстве, в какой стране, идет речь – в России, Советском Союзе, Монголии, Китае». Хронологические рамки тоже непонятные, «и, к сожалению, автор до сих пор не понимает, что такая проблема существует».

Дальше тоном ласкового родителя, который журит нашкодившего малыша, В. И. Шишкин перечислил пробелы в историографии вопроса, допущенные И. В. Павловой. При этом ВСЕ авторы, названные им, фигурируют в публикациях, а Л. Шапиро, о котором он распространялся больше всего, упомянут даже в автореферате. Критик не постеснялся напомнить И. В. Павловой даже о книге Д. А. Волкогонова, процитированной ею многократно.

Выговорить «транс-цен-ден-тальная» методология В. И. Шишкину тоже не удалось. «Я прошу прощения, у меня пересохло горло, я сегодня плохо спал – читал другую диссертацию». Дальше доктор исторических наук произнес следующее:

«Так вот, по поводу трансцендентальной методологии. Во-первых. Это не методология, а методы исследования. Методы исследования, рожденные в средневековой схоластической философии, методы, а не методология. Методологией может быть только объясняющая теория. Вот теория тоталитаризма могла бы выступить в роли методологии, а трансцендентальный метод – это только метод».

Не берусь дать рациональный комментарий к этому пассажи. Создается впечатление, что накануне выступления рецензент раскрыл стандартный Философский словарь и хорошо запомнил первую фразу: «Трансцендентальный – термин, возникший в схоластич. философии»¹⁴.

«Ну и где-то, мне кажется, трансцендентальные методы близки, органичны Ирине Владимировне, потому что это схоластическая философия».

В самом конце В. И. Шишкин озвучил то, что являлось, как я могу предположить, скрытой подоплекой всего обсуждения: «Ну и, наверное, последнее. Я думаю, что значительная часть тех критических замечаний, которые прозвучали из уст официального оппонента, неофициальных оппонентов, могла бы сегодня отсутствовать, и защита была бы совершенно иной по своей тональности, если бы Ирина Владимировна вела себя с коллегами иначе. <...> К сожалению, с Ириной Владимировной последнее время просто трудно разговаривать на научные темы: она отвергает всякую критику, она считает, что все мы – отставшие в научном плане люди, некомпетентные, не читающие литературы, ничего не понимающие. И я думаю, что вот мы в данном случае имеем результат такого в значительной мере отношения к нам, коллегам».

Да, Ирина Владимировна, и что ж вы так неласковы с коллегами-то?

Как бы то ни было, в моем представлении, когда защищается женщина, мужчины так себя не ведут. Но, видимо, нет правил без исключений.

¹⁴ Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 665.

Дело подходило к концу

В начале XXI века дискуссия в Институте истории СО РАН подтвердила, что Сталин и сталинизм живы, что для многих не было не то что перестройки, но даже XX съезда.

Мы получили замечательную возможность посмотреть своими глазами на образцово-показательный процесс с его главными атрибутами: шельмованием, демонстрацией народного возмущения и отречением соратников. Конечно, здесь нельзя было потребовать для отступника высшей меры наказания или изгнания из страны к забугорным друзьям, которые его переводят и цитируют. Но можно было требовать вполне административного решения: искомой ученой степени не присуждать!

Для оппонента в порядке вещей не соглашаться с тезисами и аргументами диссертации, но при этом признавать, что диссертант способен квалифицированно вести научную дискуссию, выполнил законченную работу и «заслуживает присуждения искомой ученой степени». Здесь в этом было отказано человеку, имеющему в ведущих исторических журналах страны больше публикаций, чем все сотрудники Института вместе взятые.

Процесс был старательно организован, хотя отсутствие настоящего Организатора чувствовалось. Как говорил К. Маркс, в истории трагедии повторяются в виде фарса.

Ирина Владимировна Павлова пережила этот день мужественно. Свое ответное выступление она закончила так:

«Уважаемые коллеги, сегодняшнее обсуждение показало: 15 лет прошло с начала перестройки, а мы не пережили своего прошлого и далеки от того, чтобы его пережить. Мы даже не можем адекватно сформулировать многие вещи. Такие научные проблемы, как проблемы интерпретации, проблемы методологии исторического исследования, которые обсуждаются во всем мире, у нас воспринимаются как неадекватная постановка вопроса.

Тут меня обвинили в непатриотизме. Я глубоко убеждена в том, что только тот любит свою страну, кто говорит правду о своем прошлом. Обвинения в политической ангажированности я отмечаю — я никому не служу».

12 голосами «за» при 5 «против» Диссертационный совет проголосовал за присуждение Ирине Владимировне Павловой искомой ученой степени доктора исторических наук.

...НО НА ЭТОМ НЕ КОНЧИЛОСЬ

Несколько дней спустя, 9 апреля, Новосибирский областной и городской Совет ветеранов подготовил Обращение в Высшую аттестационную комиссию, в которой дал классовую оценку состоявшейся защите и выступил с ходатайством не допустить присвоения ученой степени доктора исторических наук Павловой И. В., наказать инициаторов защиты докторов исторических наук Соскина В. Л. и Красильникова С. А., привлечь к ответственности официальных оппонентов Рогалину Н. Л. и Кузнецова И. С., давших хвалебные отзывы, а также наказать лицо, готовившее отзыв в ведущем учреждении – Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

После этого ВАК направил диссертанта Павлову И. В. на Дополнительное заключение в Диссертационный совет Санкт-Петербургского института истории РАН.

29 октября 2002 г. после трехчасового обсуждения Диссертационный совет в Санкт-Петербурге 17 голосами «за» при одном «против» подтвердил решение о присвоении И. В. Павловой ученой степени доктора исторических наук.

